

УДК: 321.01, 340.015

А.Ю. Мордовцев¹, А.Ю. Мамычев²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия

Правовая ментальность в национально-культурном пространстве: особенности эпохи преобразований (церковный раскол XVII в.)*

Предметом статьи является правовая ментальность в ее теоретико-концептуальном и национально-культурном измерении. В работе обсуждаются различные аспекты национального правового менталитета: содержательно-структурные, методологические, культурологические, религиозные, функциональные и др. Методологическая основа научной статьи включает разработки в области политологии, философии и методологии юридической науки, принадлежащие отечественным и зарубежным специалистам. Существенное влияние на представленную работу оказали труды Н.Н. Алексеева, П.П. Баранова, В.М. Баранова, Г.Дж. Бермана, В.Ю. Верещагина, А.Д. Градовского, И.А. Ильина, Л.С. Мамута, Н.И. Матузова, В.С. Нерсесянца, В.М. Розина, Н. Рулана, В.Н. Синюкова, М. Фуко, Г. Хофстеда, В.Е. Чиркина, А.С. Яценко и др. В статье имеет место сочетание всеобщих, общенаучных (диалектического, логического и структурно-функционального анализа и синтеза, интеллектуально-технологического и ментального измерения, генетической реконструкции и др.) и специальных методов исследования (сравнительно-правового, историко-правового и др.).

В статье не только анализируется природа и особенности отечественной правовой (шире, политико-правовой) ментальности, но показывается место и значение последней в российском государственно-правовом пространстве. При этом теоретико-методологические рассуждения авторов преломляются сквозь призму мало изученных в современном правоведении старообрядческих политико-правовых идей, духовная составляющая которых оказывается чрезвычайно интересной и во многом показательной для изучения таких актуальных на сегодняшний момент проблематик, как правовой менталитет, политический менталитет, правовое сознание, правовая культура переходного периода развития государства и права.

Ключевые слова и словосочетания: правовой менталитет, старообрядцы, монархия, государственная власть, государство, достоинство, религия.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-33-00034 (а1)

¹ Андрей Юрьевич Мордовцев – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права; 690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя, 41; e-mail: aum.07@mail.ru.
Andrey Yurievich Mordovtsev – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Law.

² Алексей Юрьевич Мамычев – д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент; заведующий кафедрой теории и истории российского и зарубежного права; 690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя, 41; e-mail: mamychyev@yandex.ru.
Alexey Yurievich Mamychyev – Doctor of Political Science, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Law.

A.Yu. Mordovtsev¹, A.Yu. Mamychyev²

Vladivostok State University of Economics and Service

Vladivostok, Russia

Legal mentality in national cultural space: characteristics of the era of change (for example, old believers writings of the 17th century)

Subject of article is the legal mentality in its conceptual and cultural measurement. In work, various aspects of national legal mentality are discussed: substantial and structural, methodological, culturological, religious, functional, etc. The methodological basis of the scientific article includes developments in the field of political science, philosophies and methodologies of jurisprudence belonging to domestic and foreign experts.

In article the combination general, general scientific (the dialectic, logical and structurally functional analysis and synthesis, intellectual and technological and mental measurement, genetic reconstruction, etc.) and special methods of a research takes place (comparative and legal, historical and legal, etc.).

In contents of article not only the nature and features domestic legal (more widely, political and legal) mentalities is analyzed, but the place and value of the last in the Russian state and legal space is shown. At the same time methodological reasoning's of authors refract through a prism of few Old Belief political and legal ideas studied in modern jurisprudence which spiritual component is extremely interesting and in many respects indicative for studying of such perspectives relevant for today as: legal mentality, political mentality, legal consciousness, legal culture of a transition period of development of the state and right.

Keywords: legal mentality, old believers, monarchy, State power, State, dignity, religion.

Введение

В современном правовом познании нет более сложной и в то же время более привлекательной (как в познавательном, так и в практическом плане) для разного рода исследований актуальных вопросов государственно-правового строительства и совершенствования национальной правовой системы, чем категория «правовая культура». Особенно, когда научному исследованию подвергается период, связанный с разного рода (правовыми, политическими, духовными, экономическими и др.) преобразованиями, а то и вовсе потрясениями каких-либо основ бытия конкретного общества. Чаще всего, обращаясь к таким эпохам, отечественные и многие зарубежные правоведы ставят вопрос о динамике, изменениях в сфере национальной правовой культуры, общественного правового сознания. В редких случаях в исследовательский ракурс попадают глубинные аспекты политико-правового мира, к которым, несомненно, относятся правовой (иногда его рассматривают шире – политико-правовой) менталитет, юридические архетипы и т.п. [10–12].

Причинами такого рода устоявшейся познавательной традиции являются и все еще действующие советские эвристические схемы, в рамках которых, разумеется, ставились иные (собственно, вненациональные) акценты (классовые, социально-экономические), и явно недостаточный уровень (несмотря на все увеличивающееся количество статей на тему «менталитет», «ментальность», принадлежащих разным специалистам современной гуманитарной сферы) осмысления природы национального менталитета и его различных проявлений (правового, экономиче-

ского, политического), что во многом связано с поиском российскими юристами неких «общечеловеческих» правовых принципов, институтов, норм, которые следует «просто» «продать» в ткань нашей правовой и политической системы. Желаемая цель – формирование правового государства и гражданского общества, таким образом, будет достигнута, причем, при минимальных собственных интеллектуальных и организационных усилиях (российский либерально-правовой дискурс образца 90-х годов XX в.).

Правда, результативность такого подхода и его социально-правовые, духовные и иные издержки оказались велики и, похоже, непредсказуемы для самих представителей либеральной реформаторской стратегии, многие из которых недооценили то, что «...никакая, даже самая совершенная конституция не создаст нового общества в России. Для этого нужно, прежде всего, кардинально изменить российский менталитет...» [21, с. 11]. В то же время другие действительно верили в саму возможность такого «кардинального изменения» российского менталитета, да еще и в короткие сроки.

Конечно, в это же время в российском правоведении начинает формироваться и другой подход к пониманию содержания и практической значимости национального правового менталитета, его влияния на стратегию и тактику политико-правового реформирования в постсоветской России.

Теоретико-методологические основания и разработанность поставленной проблемы в зарубежной и российской специальной литературе

В настоящем исследовании используется метод правоментального анализа эволюции и функционирования политических и правовых институтов в контексте российской государственности [11]. При этом основной акцент в работе сделан на применение принципа дополнительности в понимании специфики поведения индивидов и их групп в политико-правовой сфере, когда, с одной стороны, имеющие место политические и юридические институты, структуры и механизмы во многом обуславливают человеческую активность, ее характер и направленность, а с другой – эффективность и устойчивость юридико-политических компонентов национальной государственности предопределяются «субъективным фактором».

Среди зарубежных и отечественных философов, политологов и социологов несомненный интерес в плане разработки концепции национального менталитета, методологии его изучения представляют работы Е.А. Ануфриева, М.М. Бахтина, Н.И. Бирюкова, Г. Бутуля, П.С. Гуревича, Г.Г. Дилигенского, В. Дильтея, П. Динцельбахера, Э. Дюркгейма, А. Инкельса, Ж. Карбонье, Д. Левинсона, Л.В. Лесной, Б.В. Маркова, И.В. Мостовой, А.С. Панарина, И.К. Пантина, В.М. Розина, Г. Симона, Н.Е. Тихоновой, М. Фуко, Г. Хофстеда, Р. Эмерсона и др. В социально-психологическом контексте большое внимание поставленным проблемам уделялось в фундаментальных трудах З. Барбу, И.Г. Дубова, Б.А. Душкова, В. Вундта, Г. Лебона, Р. Мандру, В.А. Шкуратова, Э. Фромма, К.Г. Юнга и др.

К национальным основам российского государства и права, отечественной политической системы, перспективам их развития в работах последних лет обращаются такие авторы, как А.М. Величко, А.В. Малько, Л.А. Морозова, В.Н. Синю-

ков и др. Следует также отметить достаточно оригинальные труды Л.В. Аكوпова, В.М. Баранова, П.П. Баранова, Н.Н. Вопленко, В.Н. Кудрявцева, С.И. Максимова, Г.В. Мальцева, Н.И. Матузова, А.Ю. Мамычева, А.Ю. Мордовцева, В.С. Нерсесянца, А.И. Овчинникова, В.П. Сальникова, посвященные проблемам правосознания, правовой культуры, правового мышления, законности и правопорядка, философского осмысления политико-правовой реальности, специфики российской государственной власти.

Постановочные аспекты изучения российского правового менталитета

Значительный интерес с позиции построения метода ментального измерения государственно-правовых явлений и процессов представляет концепция отечественного правового менталитета, сформулированная В.Н. Синюковым в авторских работах «Российская правовая система. Введение в общую теорию», а также «Правовая система: вопросы правореализации», в которых проблема национальной правовой ментальности рассматривается через поиск глубинного и подлинного источника идентификации правовых отношений – жизненного уклада народа (норм, воззрений, идеалов, культов, обыкновений и др.) [17, 18].

В первом из указанных монографических исследований автор представляет интересный и методологически оправданный историко-правовой срез проблемы: рассматривает эволюцию отечественного правового менталитета от славянофилов и П.Я. Чаадаева до современного «сумбура реформаторских действий и хаоса власти», не формулируя, однако, четкого определения правовой ментальности и принципиально ограничиваясь исключительно контекстуальными дефинициями.

Представляется необходимым в теоретико-методологическом плане восполнить данный пробел. Можно предложить рабочий вариант рассматриваемой дефиниции: *правовой (политико-правовой) менталитет является взаимосвязанной совокупностью (системой) правовых архетипов и представлений, устойчивых, привычных образов, форм и стиля юридического мышления, которые в разных социумах, этносах, типах цивилизаций и т.п. имеют собственное содержание, различным образом сочетаются, но всегда лежат в основе восприятия компонентов национальной государственности (юридических и политических институтов, национальных и конфессиональных отношений и др.), определяют специфику правового поведения индивида, тех или иных социальных и профессиональных групп, государственных органов и должностных лиц.*

В предложенном варианте правовой менталитет понимается как совокупность готовностей и предрасположенностей индивида (или социокультурно сформированной личности) действовать, мыслить, чувствовать, воспринимать различные явления, оценивая их в качестве положительных или отрицательных, в государственно-правовой сфере; предполагает соединение *когнитивного* и *ценностного* мотивов правомерного или неправомерного поведения субъектов.

В сущностном аспекте (не замыкаясь на психическую природу рассматриваемого явления) правовой менталитет следует изучать через выделение его национальных (социокультурных) архитектурных элементов. В качестве таких устойчивых элементов можно выделить следующие:

1) *политико-правовая парадигма;*

2) *стиль юридического мышления;*

3) *тип социально-правового и «предправового» взаимодействия* субъектов (например, обычно-правовые кодексы поведения, устойчивые социокультурные модели публичных и частных отношений в системе личность – общество – государство). Содержательный анализ последнего, без сомнения, позволяет выйти на осмысление социокультурной и национальной природы права, государства, власти.

В этом ракурсе очевидно, что **«правовая ментальность** как сложное явление отражается во всех элементах структуры правосознания и раскрывается в специфике **правопонимания, правочувствования, правовидения»** [13, с. 290].

В предложенном «теоретико-концептуальном формате» правовой менталитет следует рассматривать в качестве полиструктурной и открытой динамической системы, включающей разноуровневые отношения между собственными (политико-правовыми) элементами и иными социокультурными системами, находящейся в постоянном (хотя часто и незаметном) развитии.

Важно подчеркнуть, что природное и культурное, рациональное и эмоциональное, сознательное и бессознательное, индивидуальное и общественное – все эти оппозиции неизбежно «пересекаются», определенным образом (контекстуальным) актуализируются на уровне политико-правового менталитета, растворяясь (гармонизируясь) в его структурных элементах. При этом происходит объединение логических и чувственных, ценностно ориентированных и иных воззрений, образов, представлений. Менталитет выражает *образ, характер, способ и направленность* групповой и индивидуальной *юридико-политической мыследеятельности*, во многом определяя вектор и специфику конкретно-исторического взаимодействия участников соответствующих социальных практик, влияет на формирование и изменение властных стратегий, тактик, моделей публичного взаимодействия в определенном обществе и государстве.

Исходя из природы анализируемого феномена, в контексте системно-структурного подхода, более продуктивным и методологически оправданным является рассмотрение правового менталитета как системы с непрерывно взаимодействующими между собой структурными элементами. В результате этого взаимодействия и взаимовлияния возникают разнообразные *свойства*, характеристики национального правового менталитета – «законнический» (формально-юридический), толерантный, харизматический, динамический, характеризующийся правовым нигилизмом либо правовым идеализмом и т.д. Кроме того, последнее способствует и выявлению специфики той регулирующей роли, которую играет правовой менталитет в процессах *правореализации* и *правотворчества*, его влияние на поведение личности, социальных или национальных групп, страт, малых сообществ и всего населения страны в целом.

Весьма привлекательной в теоретико-методологическом плане является связь правового менталитета с национальным языком, имеющим место в конкретной стране, логико-лингвистическим дискурсом. Вообще (и с этим трудно спорить) *язык* – это основополагающий феномен культуры и социального взаимодействия,

он отлично выражает, сохраняет и особым образом стандартизирует национальное миропонимание и мироощущение, определяет способ осмысления действительности, в том числе и в области государственно-правовых отношений. Подчеркнем, что юридический язык всегда сообразен стилю юридического мышления, имманентного национальной государственно-правовой парадигме.

И теоретически, и методологически, и, как показывает генезис государственно-правовой организации практически оправдано уточнение и изучение смысла и значения ряда важных юридико-политических концептов, причем, если рассматривать их в качестве выражения, экспликации особой данности, самодостаточной, самоценной, отражающей единство духовной, политической и правовой жизни российской цивилизации, не ограничиваясь (как это было, например, в правоведении 90-х годов, и все еще имеет место сейчас) интерпретацией исключительно западноевропейской понятийной версии «государства», «самодержавия», «абсолютной монархии», «правительства», «общества», «права», «закона» и др.

В свете идущих в настоящее время процессов постепенного возвращения России исторически органичного ей (по крайней мере, со времен Ивана III) имперского статуса возникает интерес к пониманию смысла и содержания категории «*империя*», но не в западной транскрипции, а в отечественной философско-правовой и политико-правовой мысли, т.е. в российском юридико-языковом и политико-языковом дискурсах. Поэтому в специальной литературе все чаще и чаще приводятся различные позиции в отношении этого, безусловно, важного для прошлого и современного государственно-правового строительства понятия. Тем более, что И.А. Ильин, Н.Н. Алексеев, И.Л. Солоневич, Л.А. Тихомиров, М.О. Меньшиков и иные представители русской политико-правовой классики неоднократно обращались к логико-понятийному анализу «империи» и проводили его в широком социально-культурологическом контексте.

Так, М.О. Меньшиков писал: «Слово *imperium* на родине этого слова всегда понималось как верховная государственная власть, то есть именно то самое, что понимается под русским словом *царство* или *государство*... Если Россия еще сколько-нибудь держится как *империя*, то лишь постольку, поскольку она остается *царством*... Как только Россия перестанет быть царством в древнем и вечном значении этого слова, так и расползется по швам. У нас не любят вдумываться в употребляемые поминутно слова и титулы...» [9, с. 182, 183].

И.Л. Солоневич подробно останавливается на содержательном аспекте имперско-монархической организации властных отношений в России. «Московская монархия была по самому глубокому своему существу выборной монархией. С той только разницей, что люди выбирали не на четыре года и не на одно поколение, выбирали навсегда... Итак, если термин «конституционная демократическая монархия» мы переведем на русский язык – «соборная и народная монархия» – и если в этот последний термин мы вложим его русское содержание, такое содержание, каким эта монархия была наполнена в действительности – хотя и не всегда, – то мы, вероятно, избавимся от недоразумений и по поводу «конституции», и по поводу «демократии» [19, с. 125].

Именно этот аргумент (как один из весомых в понятийно-языковом контексте) является базовым для построения И.Л. Солоневичем своей оригинальной концепции «народной монархии» в российском политико-правовом поле.

Старообрядцы XVII в.: политико-правовая ментальность эпохи духовного излома

Конечно, в истории российской государственности можно выделить несколько переломных эпох, сопряженных с разного рода радикальными, коренными поворотами течения русской жизни, изменениями в политико-правовой, социально-экономической области жизнедеятельности, а также (что часто было значительно тяжелее и по ходу «модернизации», и по ее последствиям) в духовно-религиозном поле. Можно вспомнить о разрушительных последствиях Смутного времени на рубеже XVI–XVII вв., когда страна не просто пережила период хаоса и развала всей системы государственной власти и управления, по сути, перестав существовать в качестве «геополитической реальности» (Московию уже «стирали» с европейских географических карт), но и породила особый во многих отношениях тип русского человека – «человека смутного времени», часто отличающегося новыми ценностными ориентирами, деформированным право- и законосознанием, отношением к «Воле» (свободе, в западной транскрипции) и т.п.

Можно вспомнить также и то обстоятельство, что именно начиная с эпохи Смутного времени становится ощутимым (имеющий место и в настоящее время!) «разрыв» столицы и провинции в России, т.к. в это время на уровне народного (общерусского) самосознания формируется ранее не виданный образ Москвы как «скопища предателей», помогавших интервентам уничтожать и отечественную государственность, и Русскую православную церковь, и сам русский этнос. В целом же на рубеже XVI–XVII вв., конечно, имели место «искоренения древних навыков» и «унижения россиян в собственном их сердце», что как раз и вызвало протест, но не в столице, а... в *русской провинции*, где, собственно, и возникло представление о стране как «Отчизне», для спасения которой и возникают (без какого бы то ни было государственного вмешательства, на уровне, как сказали бы сейчас, «институтов гражданского общества», имевшего в Московском государстве исключительно соборные формы существования и выражения) «советы Всея Земли», например, в Ярославле и других провинциальных городах.

Выйдя с достоинством из Смутного времени, восстановив и в значительной мере укрепив систему государственной власти, воссоздав нарушенную в Смуту «симфонию» духовной и светской власти, искоренив духовные пороки среди населения и элит, к середине XVII в. государство входит в новый, но теперь уже исключительно духовный (идеологический) излом – **церковный раскол**.

«Значение Раскола в русской истории определяется тем, что он являет собой видимую отправную точку духовных настроений и смут, завершившихся в начале XX века разгромом русской православной государственности...» [4, с. 205]. Однако, по мнению митрополита Иоанна, «как явление русского самосознания, Раскол может быть осмыслен и понят лишь в рамках православного мировоззрения, церковного взгляда на историю России» [4, с. 212]. Видимо, речь здесь все же идет

о собственно религиозной (канонически-обрядовой) стороне церковного раскола, поэтому (не претендуя на глубокое православно-сущностное постижение раскола) выделим и постараемся осмыслить его государственно-правовые и социально-политические проявления, тем более что «старообрядец на самом деле есть очень новый душевный тип» [4, с. 214].

В поисках оснований церковного раскола середины XVII в. выделим базовые правовые, политические и духовные практики, определившие «лицо» рассматриваемых здесь событий:

С середины XVII в. Московское царство (пережившее Смуту, которая в политико-правовом аспекте получила выражение в процессах кризиса русской монархии и, как следствие, в десоверенизации отечественной государственности) начинает укрепляться на евразийском пространстве (чего стоят и присоединение Украины, и возврат Смоленска и других русских городов на западной границе страны, и освоение Восточной Сибири и т.п.).

Политико-правовой формой «евразийского освоения» Московского государства стала (что было неизбежно для страны) империя, точнее *православная империя*, на тот исторический момент единственное (после падения Константинополя и турецкой экспансии на Балканах и иных частях Европы и Азии) подлинно суверенное православное государство, развивающееся в консервативном, традиционном духовном пространстве, скрепленном, кроме всего прочего, особой православно-мессианской идеей («Москва – третий Рим», при патриархе Никоне – «Москва – второй Иерусалим»).

В период правления царя Алексея Михайловича вновь был «вызван к жизни» известный еще с конца XV – начала XVI вв. (в споре между нестяжателями и иосифлянами при Иване III) *конфликт* между духовно-религиозным мировоззрением «Святой Руси» (святоотеческим церковным преданием) и православной идеологией формирующейся Православной империи, который, однако, в середине – второй половине XVII в. приобрел более острый характер и весьма жесткие формы выражения, чем ранее, и в итоге привел к *церковному расколу*. Вообще, раскол в Русской православной церкви XVII в. неверно сводить исключительно к желанию части клира и мира сохранить сущностно-обрядовую сторону отечественного православия (продолжать следовать канонам, заповедям Стоглавого Собора, церковному преданию святых отцов), т.к. это лишь поверхностный взгляд на проблему. При более же глубинном проникновении раскол являет собой в принципе ожидаемую в то время реакцию на *страх* потери сохраненной даже в период Смутного времени национальной религиозной идентичности, а значит, и всех иных (теснейшим образом сопряженные с первой) видов «идентичностей»: правовой, политической, социально-экономической. Напротив, сохранение же собственного духовного «лица» рассматривалось старообрядцами в качестве надежной гарантии сохранения и ментально привычного, принятого и освященного веками *государства*, различных институтов монархической власти (помилования, «челобитья государю» и др.), *православной правовой системы*, особого монастырского статуса и образа жизни, семьи, быта и т.п. Тем более, что такого рода «страхи» были небезосновательны:

например, ранее «никто не был ограничен в праве подать лично царю челобитную с просьбой о какой-нибудь милости, с жалобой на любой судебный приговор или любое действие приказных, на обидчиков вообще... Московские цари долго не делают попыток ограничить его, даже тогда, когда с ростом государства оно стало для них очень обременительным. Впервые в Уложении 1649 г. было постановлено: «не бив челом в приказе, ни о каких делах государю никому челобитен не подавати (X гл. 20 ст.)»» [1, с. 50–51]. По большому счету этот (как и многие другие) государственно-правовой институт был выражением содержания русского правового менталитета «святоотеческой» (дониконианской) эпохи, определял специфику юридического и социального диалога между самодержавием и народом («Землей»).

В таком социальном, духовном, государственно-правовом контексте закономерно возникает вопрос об особенностях политико-правового менталитета старообрядцев как носителей протестного самосознания, в частности, о его оценочно-содержательной стороне (естественно, при сохранении структуры и функций). Здесь, прежде всего, важно выяснить ряд ключевых аспектов старообрядческого правоментального и духовного бытия, а именно: проблему сохранения *достоинства человека* как полноценного субъекта национальной религиозной и политико-правовой жизни и, во многом, производное от нее *отношение* этих «раскольников» (в никонианском контексте), а точнее «расколоучителей» к *монархическому институту*, фигуре царя, самодержца, иным институтам государственной (светской) власти, т.е. их представление о *легитимности христианского самодержца*.

Конечно, «нелепостью было бы навязывать учреждения, к которым он не пришел в своем собственном развитии. То, что своевременно во внутреннем духе, происходит безусловно и необходимо. Государственный строй – дело состояния этого внутреннего духа... а мышление – основа права и государственного устройства вообще» [2, с. 383, 392]. Причем, в этом плане (следуя методу историзма) стоит учитывать специфику духовного пространства эпохи XVI–XVII вв., в которой сформировалась уникальная культура «подобия» (начало положено в XVI в.), когда обращение «преподобный» означало «подобный Христу» (правда, Иван IV считал себя «подобным Богу-Отцу», самому Саваофу, в чем видел особую легитимность своих репрессивных деяний), а «уровень благочестия русской жизни XVII в. был чрезвычайно высок даже в ее бытовой повседневности» [4, с. 212]. Такое состояние «духовных дел» чаще всего было просто непонятно многим иностранным исследователям отечественной государственности, а отсюда и возникала иллюзия (имеющая место и у современных западников, либералов), будто в России был просто *утрачен* праводостойный субъект, он как-то «потерялся» в лабиринтах генезиса российской социально-правовой действительности, его «забыли» на сложных перекрестках развития российского государства и права, отдав предпочтение другому, более важному и ценному – «державности», «соборности», «государю» или еще чему-то.

Однако обращение к русской старообрядческой (а значит, все же протестной) политико-правовой ментальности, выраженной в их немногочисленных в то время сочинениях, убеждает в обратном, а именно в том, что этот обоснованный

(в XVIII в.) И. Кантом (чьи социально-философские идеи попали в число основополагающих либеральных юридических и иных мотивов) «статус самоценности» человека как абсолютное начало всякого подлинного гуманизма имел место и в старообрядческом религиозно-политическом дискурсе. Правда, *форма подачи его, язык* и способы обоснования, безусловно, были иными, в частности, никак не связанными с хорошо известной в европейски-просвещенческом пространстве теорией о естественных правах человека.

Чтение сочинений протопопа Аввакума, романово-борисоглебского священника Лазаря, дьякона Игнатия Соловецкого, дьякона Федора (Иванова) и др. убеждает в том, что в этих трактатах («Житиях», «челобитных грамотах») имеет место не только повышенно «напряженный» тон, но и последовательное утверждение права каждого христианина на отстаивание истины и его (даже не права) *долга*, особой духовной обязанности не подчиняться Верховной власти, когда ее предписания очевидно противоречат «древнему благочестию» как незыблемой основе русского («святоотеческого») мира вообще и политико-правового мировоззрения и религиозного мирозерцания русских, православных людей в частности.

Лазарь, обращаясь с челобитной к царю Алексею Михайловичу, пишет: «Похвалитися не полезно ми есть. Вем, яко скверен есть... но закон чист. Аз грешен есмь; но отцы и братия святы суть... Аз же ничим осла хуждши есмь. Аще и грешен есмь, но верю правою раб есмь Сына Божия» [8, с. 264].

Итак, перед царем, понимаемом старообрядцами, несмотря на все их гонения и притеснения, в традиционном отечественном духе, а именно: как сакральная политико-правовая ценность особого (для страны) значения, они признают себя грешными, причем, как в религиозном смысле понимания «Греха», так и в светско-юридической его трактовке – «земное» преступное деяние. Но при этом достоинство свое они сохраняют, так как видят его в сохранении «правой веры» перед более «высоким Государем» – «царем небесным».

Выводы

Именно нерациональное, но отчетливо выраженное *христианско-православное* (а не вообще религиозное) *достоинство* и рассматривалось сторонниками дониконианского отечественного православия в качестве права, во-первых, на личное обращение к царю; во-вторых, на предъявление русскому самодержцу весьма серьезных претензий; в-третьих, на открытое неповиновение решениям и царской власти и церковных соборов (например, знаменитого Собора 1667 г., положившего «клятву» на всех «раскольников»).

Обобщая все вышеизложенное, заметим, что в собственно правовом контексте того времени старообрядцы выделяли себя из русского общества как единственных носителей «Правды» (термин «право» в отечественном монархическом пространстве появляется только в ходе реформ Петра I и его содержание и смысл все же отличаются от привычной для нашего самосознания «Правды»). Начиная с трактата митрополита киевского Илариона «Слово о Законе и Благодати» понятие «Правда» включает в себя такие социальные и ценностные характеристики, как нравственность, истина и справедливость (и божественная, и земная). Ясно, что

«сплав» этих категорий и был серьезным мотивом для утверждения старообрядцами своей духовной и иной исключительности.

Какое же отношение у этих в полной мере достойных и поэтому сохраняющих право на «праведный» *протест* русских людей (это особое право детально изучали и по разному оценивали Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескье и другие западноевропейские исследователи XVII–XIX вв.) было к институту царской власти? Сохранили ли они то, что, по мнению многих иностранцев и того времени, и современников, сейчас можно назвать «холопской ментальностью» или «холопским отношением к власти», тем более что, например, Дж. Флетчер, лично посетивший Московию еще XVI в., отмечал: «Правление у них чисто тираническое: все их действия клонятся к пользе и выгодам одного царя и, сверх того, самым явным и варварским образом» [15, с. 35].

Отвечая на этот, безусловно, сложный и далеко не однозначный вопрос, следует в начале кратко остановиться на одной правоментальной особенности русских, определяющей стиль их правового и политического мышления. Последняя была замечена еще в XIX в. и получила следующую формулировку: «Таким путем получают два народных типа: один, нуждающийся в Самодержавии духовном и не терпящий его в области политической: это Запад эллино-римской культуры; и другой – Восток с Россией во главе, твердо стоящий за самодержавие гражданское, но не терпящий никакого властного вмешательства в дела духа и даже почти не понимающий такового» [20, с. 122].

В политико-правовом и аксиологическом измерении содержания старообрядческого мышления имеет место отстаивание своего права на «республику в области духа» при сохранении «самодержавия государственного». В таком контексте вряд ли стоит соглашаться со многими представителями советской историографии в том, что противостояние «расколоучителей» пагубной никонианской «книжной справе» и всему тому, что за этим последовало, в том числе и при прямом участии русского самодержца, имеет «антицарский» и даже «антифеодальный» характер. Это, очевидно, позднее «наносное» мнение своими корнями уходит в народнические идеи о церковном расколе как движении «противогосударственном» и не имеет ничего общего с действительностью, более того, иногда выражается в весьма курьезных суждениях, например, о том, что «Житие» протопопа Аввакума якобы вообще носит «антирелигиозный» характер [3, с. 384].

В рамках современного культурологического дискурса, с использованием герменевтических «понимающих» (а не объясняющих) эвристических конструкций проблема видится иначе, а именно: никакие «царистские иллюзии» даже после разгрома Соловецкого восстания, в старообрядческой среде не исчезли (как отмечает в своем исследовании О.В. Чумичева [22, с. 125]). Чтобы серьезно представить это, нужно поверить в принципиальную возможность «перезагрузки» национального монархического политико-правового менталитета, что невозможно по определению, по самой природе последнего и формулировке его функций.

Речь шла о другом. Во-первых, в своем «Исповедании» Игнатий Соловецкий сравнивает русских царей-«никониан» с византийскими императорами-

иконоборцами, после которых однако к власти пришли «праведные» императоры, уничтожившие «ересь». В этом плане институт монархической власти оказался «спасительным», поэтому осуждать следует не его («праведных царей»), а только личность и конкретные деяния конкретного, правящего в определенный исторический момент царя (императора и др.); во-вторых, возможно (это требует дополнительного прояснения), что Аввакум первым в отечественном (допетровском) государственно-правовом дискурсе заговорил о нормативных «пределах царской власти», не утверждая при этом о необходимости отказа от Царя вообще. Так, он отмечал, что «...в коих правилах писано царю церковью владеть и догматы изменять и святая кадить? Только ему подобает смотреть и оберегать от волк, губящих ея, а не учить как вера держать и как персты слагать...» [16].

-
1. Веселовский С.Б. Из истории Московского государства в XVII веке. М., 2005.
 2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
 3. Гусев В.Е. «Житие» протопопа Аввакума – произведение демократической литературы XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1958. Т. 14.
 4. Иоанн, митрополит С.-Петербургский и Ладужский. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1994.
 5. Лассаль Ф. О сущности конституции // Конституционное право: хрестоматия / сост. Н.А. Богданова. М., 1996.
 6. Мамут Л.С. Метаморфозы восприятия государства // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996.
 7. Маритен Ж. Человек и государство. М., 2000.
 8. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875–1895. Т.4.
 9. Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М., 2005.
 10. Мордовцев А.Ю., Попов В.В. Российский правовой менталитет. Ростов н/Д., 2007.
 11. Мордовцева Т.В., Попов В.В., Ивченко Е.В. Российская публичная политика в условиях аномии. Ростов н/Д., 2007.
 12. Юридические архетипы в правовой политике России / А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев, А.В. Манастырный, М.Е. Тюрин. Ростов н/Д., 2009.
 13. Поляков А.В. Общая теория права. СПб., 2001.
 14. Понятие государства в четырех языках: сб. статей / под ред. О. Хархордина. СПб., 2002.
 15. Россия XVI века. Воспоминание иностранцев. Смоленск, 2003.
 16. Русская историческая библиотека. СПб., 1872–1927. Т. 39. стб. 467.
 17. Синюков В.Н., Григорьева Ф.А. Правовая система: вопросы правореализации. Саратов, 1995.
 18. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М., 2010.
 19. Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2003.
 20. Хомяков Д.А. Православие, самодержавие и народность. Монреаль, 1982.
 21. Чиркин В.Е. Конституция: российская модель. М., 2002.
 22. Чумичева О.В. Соловецкое восстание 1667–1676. Новосибирск, 1998.

Транслитерация

1. Veselovskii S.B. Iz istorii Moskovskogo gosudarstva v XVII veke. M., 2005.
2. Gegel' G.V.F. Filosofiya prava. M., 1990.
3. Gusev V.E. «Zhitie» protopopa Avvakuma – proizvedenie demokraticheskoi literatury XVII v. // *TODRL*, Vol. 14, L., 1958.
4. Ioann, mitropolit S.-Peterburgskii i Ladozhskii. Samoderzhavie dukha. Ocherki russkogo samosoznaniya. SPb., 1994.
5. Lassal' F. O sushchnosti konstitutsii, *Konstitutsionnoe pravo: Khrestomatiya*, sost. N.A. Bogdanova, M., 1996.
6. Mamut L.S. Metamorfozy vospriyatiya gosudarstva, *Problemy tsennoznogo podkhoda v prave: traditsii i obnovlenie*, M., 1996.
7. Mariten Zh. Chelovek i gosudarstvo. M., 2000.
8. Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya. M., 1875–1895. Vol. 4.
9. Men'shikov M.O. Pis'ma k russkoi natsii. M., 2005.
10. Mordovtsev A.Yu., Popov V.V. Rossiiskii pravovoi mentalitet. Rostov n/D, 2007.
11. Mordovtseva T.V., Popov V.V., Ivchenko E.V. Rossiiskaya publichnaya politika v usloviyakh anomii. Rostov n/D, 2007.
12. Yuridicheskie arkhetyipy v pravovoi politike Rossii / Ovchinnikov A.I., Mamychhev A.Yu., Manastyrnyi A.V., Tyurin M.E. Rostov n/D, 2009.
13. Polyakov A.V. Obshchaya teoriya prava. SPb., 2001.
14. Ponyatie gosudarstva v chetyrekh yazykakh: sb. statei / pod red. O. Kharkhordina. SPb., 2002.
15. Rossiya XVI veka. Vospominanie inostrantsev. Smolensk, 2003.
16. Russkaya istoricheskaya biblioteka. SPb., 1872–1927. Vol. 39. stb. 467.
17. Sinyukov V.N., Grigor'eva F.A. Pravovaya sistema: voprosy pravorealizatsii. Saratov, 1995.
18. Sinyukov V.N. Rossiiskaya pravovaya sistema. Vvedenie v obshchuyu teoriyu. M., 2010.
19. Solonevich I.L. Narodnaya monarkhiya. M., 2003.
20. Khomyakov D.A. Pravoslavie, samoderzhavie i narodnost'. Monreal', 1982.
21. Chirkin V.E. Konstitutsiya: rossiiskaya model'. M., 2002.
22. Chumicheva O.V. Solovetskoe vosstanie 1667–1676. Novosibirsk, 1998.

© А.Ю. Мордовцев, 2017

© А.Ю. Мамычев, 2017

Для цитирования: Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Правовая ментальность в национально-культурном пространстве: особенности эпохи преобразований (церковный раскол XVII в.) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 4. С. ??.

For citation: Mordovtsev A.Yu., Mamychhev A.Yu. Legal mentality in national cultural space: characteristics of the era of change (for example, staroobradcheskih writings of the 17th century), *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 4, pp. C. ??.

Дата поступления: 26.08.2017.